



*Виктор
Данилов-Данильян:
«Я экономист,
а по мировоззрению —
эколог»*



Непривычно звучащая фамилия Данилов-Данильян давно знакома соотечественникам. Еще во времена правления Б.Н. Ельцина он стал известен как экономист, много лет проработавший на государственных должностях.

Виктор Иванович был министром охраны окружающей среды и природных ресурсов (1991–1996), председателем Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды (1996–2000), депутатом Государственной думы (1994–1995). В 1992–1994 годах он возглавлял правительственную противопожарную комиссию, а в 1994–2000 годах стал председателем правительственной комиссии по Каспийскому морю.

Член-корреспондент РАН, выпускник мехмата МГУ, Виктор Иванович сам считает себя экономистом, но в первую очередь экологом. Много лет он был директором Института водных проблем РАН, работал в этой должности до 80 лет и год назад стал его научным руководителем. В стенах этого института экологические проблемы, связанные с водными ресурсами, — главная забота В.И. Данилова-Данильяна. Обсуждая эти темы, обычно сдержанный Виктор Иванович становится весьма эмоциональным. «Это в вас просыпаются армянские корни?» — говорю шутливо. Оказывается, никаких армянских корней у Данилова-Данильяна нет. Фамилия имеет молдавское происхождение, и нынешнее ее написание — суровое наследие ГУЛАГовского прошлого. Отца Виктора Ивановича преследовали именно за «неподобающее» происхождение и, уже выпустив из лагерей, принудили взять фамилию Данилов-Данильян: дескать, под такой фамилией ты от нас никуда не скроешься. Мы говорим с Виктором Ивановичем об Институте водных проблем, о созданной им там научной школе и о тех крупнейших проектах, которые были реализованы под его руководством.

Беседу вела Наталия Лескова, специальный корреспондент журнала «ЭС»



Виктор Иванович, много лет Вы возглавляли Институт водных проблем, а сейчас являетесь его научным руководителем. Какой тематикой занимается институт?

Тематика института складывается из разных направлений. Во-первых, это классическая гидрология, которая изучает прежде всего реки, но также озера и водохранилища на предмет распределения водотока по времени. Это гидродинамика не абстрактная, теоретическая, а примененная к реальным водным потокам на земной поверхности. Это гидравлика, которая связана с проблемами распределения силы — ведь поток движется. Это вопросы формирования и перестроения русел. Это вопросы, связанные с наводнениями всех видов и типов. Скажем, наводнения бывают в результате половодий. Это обязательные сезонные наводнения, которые от года к году могут сильно различаться по тому, какие площади затоплены и сколько времени это продолжалось, но тем не менее случаются, пусть даже и в слабой форме, каждый год. Это паводки, которые вызываются нерегулярными событиями, то есть мощными ливнями или таянием снегов, ледников в горах. Иногда погода бывает такая, что они начинают таять быстрее, чем обычно. Случаются зимние наводнения, причем они бывают двух типов. Одни наводнения связаны с ледоходом, когда образуются заторы изо льда в узких местах русла. Другой тип наводнений — так называемые осенние зажоры, когда в самых узких местах забивается русло — еще не льдом, а смесью жидкой воды с водой в твердой фракции.

Это называется «зажор»?

Да. Или вот снежура — явление, когда много снега попадает в воду и он не успевает там таять. А есть еще шуга — рыхлые скопления снега и льда в воде.

Узнаю от Вас много новых слов.

При этом очень нужно прогнозировать гидрологические процессы. Для этого изучают частоту, с которой на реке происходят те или иные явления. В частности, подъем уровня при половодье до определенной высоты, как это часто бывает.

Таким способом пытаются оценить вероятность наступления подобного события, что непростое.

Удалось ли выявить характер какой-нибудь реки?

Узнать все о реке невозможно. Полностью выяснить можно только то, что вытекает из заданной системы аксиом.

Река — как женщина — непознаваема?

Вы совершенно верно говорите, что женщина непознаваема. Но я думаю, что река непознаваема в еще большей степени. Кстати сказать, двух одинаковых рек не бывает. Хотя в гидрологии широко практикуется метод аналогий, но эти аналогии всегда неполны. Так вот, это все классическая гидрология. Затем мы занимаемся качеством воды. Качество воды — это гидрохимия и гидробиология, ведь бывает биологическое и химическое загрязнение. Кроме того, бывает механическое загрязнение. Вот, скажем, наносы. Это то, что H_2O несет помимо самой себя вместе с водотоком. Там бывают растворенные или взвешенные вещества, которые не растворены, но идут в потоке. Там могут быть влекомые частицы, они тащатся по дну. Все это чрезвычайно интересные и сложные проблемы. На реках бывают перекаты, плесы, глубокие участки. Все это движется. Любой берег размывается. И любая равнинная река обязательно меандрирует.

Это как же?

Меандр — это излучина реки. Процесс меандрирования очень интересен и сложен. Озера-старички образуются в результате изменения русел. Река пошла по другому руслу, а в старом русле — старице — образуется озеро. У озер своя жизнь. Они рождаются, живут, деградируют и умирают.



Все без исключения. Это происходит благодаря тому, что выпадающими реками в озера заносится определенная масса веществ, органических и неорганических. В самом озере начинает развиваться биота, в том числе высшая водная растительность. Это также фитопланктон, то есть планктонные организмы, продуцирующие хлорофилл, питающийся ими зоопланктон. Все пищевые цепи начинаются именно с них. Таким образом, биомасса продуцируется, оседает на дно — и озеро начинает зарастать. Этот процесс приводит к тому, что озеро исчезает.

Однако Вас интересует еще и качество воды.

Да, это прежде всего гидрохимия, но в какой-то степени гидробиология тоже, поскольку биологические загрязнения могут быть опасными для человека. Качество воды определяется как природными, так и антропогенными факторами. Антропогенные факторы — это прежде всего сброс грязи. А вот природные факторы бывают разными. Ну, например, есть на Алтае выходы месторождений минералов, содержащих ртуть, и река растворяет соли ртути. Проект Катунской ГЭС был отвергнут в свое время еще и потому, что образование водохранилища, возможно, привело бы к растворению значительного количества таких солей и вода была бы испорчена. В малых дозах это работает и без вмешательства человека как природный фактор. Так вот, в связи с охраной вод мы занимаемся и характером поступления загрязнений в реку, и тем, как река с ними справляется. Надо сказать, что в принципе каждый водоток имеет очень мощный потенциал самоочищения. Это работает экосистема. Но если вы подрываете эту экосистему чрезмерным химическим или биологическим воздействием, то, во-первых, вносите грязь в речку,

во-вторых, угнетаете механизм переработки этой грязи, имеющийся в самой реке. Получается процесс, как говорят в кибернетике, с положительной обратной связью. Таким образом можно инициировать процесс быстрого умирания всей экосистемы, что, кстати сказать, не так уж редко происходит, и не только в России, но и во всем мире. Так что эти вопросы нас тоже интересуют.

Мы занимаемся глобальной гидрологией (то есть не только российскими реками и озерами, но работа-

➤ Река непознаваема в еще большей степени, чем женщина. Двух одинаковых рек не бывает.

ем по всему миру), а также русловыми процессами, процессами дельтообразования. Мы изучаем воздействие изменений климата на водные объекты и воздействие воды на климат. Иначе говоря, занимаемся не только судьбой воды в климате, но и теми изменениями, которые происходят с водными объектами с точки зрения их воздействия на процессы изменения климата.

Мы занимаемся экосистемами — причем не только водными, но и околководными. Это прежде всего экосистемы, которые во время половодий и паводков заливаются водой, а потом освобождаются от воды через два или три месяца, когда паводок сходит. Эти места на период затопления перестают быть сухопутными и становятся как бы водными. Ну и, конечно, мы занимаемся управлением водными ресурсами и влезает в проблематику управления водным хозяйством, причем как с чисто ресурсной точки зрения, так и с точки зрения качества воды.

Ресурсы — это объем, качество — это характеристики пригодности для питьевого водоснабжения или других целей, это сложная диалектика охраны и затраты на очистку. И это еще далеко не все, чем мы тут занимаемся.

В вашем институте разрабатывается и внедряется множество важных научных проектов. И, пожалуй, самый известный ваш проект — система платности за загрязнение, которая действует до сих пор. Внедрить этот проект было непросто?

Осуществление этого проекта началось еще в 1990 году, задолго до того, как я пришел в Институт водных проблем. Сначала в РСФСР провели эксперимент по введению платы за негативное воздействие на окружающую среду. Ничего подобного до этого в Советском Союзе не было, хотя в некоторых развитых странах такие идеи уже бродили, обсуждались, были попытки их реализации.

Хотя вообще-то эта идея очень стара. Она была выдвинута английским экономистом Артуром Сесилом Пигу еще в начале прошлого века. В 1920 году вышел его основной труд, знаменитая книга «Экономика всеобщего благосостояния», в которой было определено, что такое

внешние эффекты и как с ними бороться. Внешний эффект — это когда деятельность одного экономического агента наносит ущерб другим экономическим агентам, включая государство в целом, но на это никак не реагирует рыночная система. Если предприятие сбрасывает грязную воду в реку, то от этого страдают, прежде всего, рыбаки, потому что или рыба вообще переводится, или значительно ухудшается ее породный состав и численность популяций. Из-за этого страдает станция водоподготовки: вода стала грязнее — надо тратить гораздо больше денег на ее очистку, доведение до стандартов. Но эти платежи перекладываются на потребителя, хотя он и так страдает. Страдает гостиничный и туристический бизнес. Но все это никак не отражается на том, кто приносит весь этот вред. Так Пигу определяет внешний эффект.

Что же он предложил?

Он предложил способ, который назвал корректирующим налогом — то есть тот, кто наносит вред, должен заплатить государству или муниципалитету столько, во сколько оценивается наносимый им вред. Это очень простая идея. Но она оставалась нерезализованной вплоть до 70-х годов прошлого века. И только в 70-х годах были приняты первые попытки что-то сделать. Это, конечно, относится и к загрязнению воздуха, и к размещению отходов, к любым негативным воздействиям на окружающую среду.

Значит, и в нашей стране решили, что пора ввести нечто подобное.

Да, но дело оказалось непростым. Вариантов введения такого корректирующего налога или платы за загрязнение окружающей среды довольно много. И каждый вариант имеет подварианты со своими параметрами. Исходная идея Пигу о том, что с виновника ущерба можно брать полную стоимость нанесенного им вреда, не реализуема вообще, потому что полную стоимость совершенно невозможно исчислить. Значит, эту идею нужно трансформировать. Но как? Сначала казалось, что действительно нужно считать исходя из ущерба. Какой ущерб наносит предприятие — столько оно должно заплатить, пусть даже не все, а хотя бы то, что мы можем надежно посчитать. Но это очень трудоемкая работа. Здесь нужны специалисты, а не люди с улицы. Бухгалтеры для этой цели совершенно не годятся. Нужны медики, экологи, биологи. Даже строители, у которых бетон начинает, например, крошиться из-за воздействия выбрасываемых в атмосферу газов. Неизбежно встает вопрос о том, стоит ли овчинка выделки. Бессмысленно брать

налог с того, кого обложить налогом стоит больше, чем сумма, которой вы хотите его обложить. Совершенно независимо от того, о чем конкретно мы говорим.

И вторая трудность — может быть, самая существенная. Даже тот ущерб, который мы во многих случаях можем подсчитать, оказывается для предприятий непосильным. И тогда что? Закрывать предприятие? Но куда девать людей? Где они будут зарабатывать себе на жизнь? Это вызывает крайне негативные социальные последствия. Мы хотели улучшить жизнь, а на самом деле ее ухудшили.

➤ Мы занимаемся не только судьбой воды в климате, но и теми изменениями, которые происходят с водными объектами с точки зрения их воздействия на процессы изменения климата.

Как же удалось решить проблему?

Есть и другой способ. Вы приходите на предприятие и смотрите, что там можно сделать для того, чтобы воздействие на окружающую среду довести до некоторой нормы. Если в первом случае вы смотрели из предприятия наружу, то тут вы сидите внутри предприятия и занимаетесь его технологиями. Оказалось, что это тоже страшно дорого, что фактически нужно заново перепроектировать предприятие, сделать проект его экологической модернизации. Для этого тоже нужны специалисты. Специалистов нет. А предприятий сотни тысяч, сами понимаете. Вот третий способ — макроэкономический, как я говорю, подход — прошел и до сих пор практически используется, хотя в принципе его пора модернизировать. Он очень простой. Мы исходим из того, что общество в целом согласно истратить какие-то деньги на охрану окружающей среды.

Но откуда мы узнаем, сколько оно готово истратить?

Мы смотрим, сколько оно затратило в прошлом году, какое экономическое положение в данный момент в стране, готово ли общество к тому, чтобы эти затраты росли, есть ли у него такие резервы. Так мы определяем — экспертно, конечно, — сколько общество хочет затратить на охрану окружающей среды в будущем году. Мы выдвигаем гипотезу о том, что все собираемые деньги должны покрыть эту сумму. А дальше мы

должны эту сумму распределить между загрязнителями.

Каким образом мы ее распределим?

Довольно простым способом. Во-первых, мы учитываем всю грязь, которая исходит от предприятий, включая и жилищно-коммунальный сектор. Эту информацию достаточно легко получить. Дальше разные виды воздействия мы приводим к общему знаменателю. Это делается совсем просто. Загрязняющие вещества разбиты на классы опасности, и вы умножаете их на коэффициент, зависящий от класса опасности. Самый низкий класс опасности вы умножаете на единицу, следующий класс, допустим, на два и так далее. Можно то же самое делать несколько иначе: делить объем на предельно допустимую концентрацию. И так, вы абсолютно всю грязь привели к единому знаменателю, поделили общую сумму, которую общество в состоянии потратить, на это число, и получили базовую ставку, то есть плату за одну тонну вещества самого низкого класса опасности. А чтобы узнать, сколько надо платить за одну тонну загрязнений других классов опасности, надо помножить, соответственно, на эти самые коэффициенты. Все. Вы установили ставки оплаты.

И что же, начали платить?

Платить или не платить после того, как система введена законодательно, — так вопрос не стоял. Машина заработала. Уходить от платы или не уходить — это следующий вопрос. Но и уходить можно по-разному. Если вы уходите примитивным образом, просто не платите, то это чревато последствиями. На долги перед налоговой системой начисляются пени, то есть каждый день просрочки означает, что платить придется больше. Конечно, можно как-то хитрить, и кто-то пытается это делать, но это уже другой вопрос, который мы сегодня не обсуждаем.

Второй вопрос: стали ли в результате этих мер меньше загрязнять?

Безусловно. Ведь важно было не только ввести плату, но и наладить учет реальных воздействий. Есть такое понятие — предельно допустимое воздействие. Оно в каком-то смысле аналогично ПДК — предельно допустимым концентрациям. Только ПДК касается качества среды, а ПДВ касается воздействий на нее. Так вот, та схема, о которой я рассказывал, работает, если воздействие не превышает предельно допустимого. И договорились, что если воздействие превышает предельно допустимое, то за него должны платить дороже. Схема, введенная в 1992 году, предполагала пяти-



Фото: ТАСС Archive. Министр образования РФ Е.В. Ткаченко (крайний слева), министр МЧС С.К. Шойгу (по центру), начальник Департамента природопользования В.Ф. Парфенов и министр природы РФ В.И. Данилов-Данильян (крайний справа) во время заседания Правительства РФ. 13 апреля 1995 г.

кратное увеличение ставки на тот объем, который превышал предельно допустимый. Скажем, «Норильский никель» выбрасывает порядка ста тысяч тонн сернистого газа. Так вот, пятикратная плата начисляется не на все сто тысяч, а на те, допустим, пять тысяч, которые превышают ПДВ.

Но всегда ли может предприятие обеспечить выполнение этой нормы? Ведь ваша цель — не нажиться на нарушителях, а сделать так, чтобы этих нарушений не было.

Вот именно. Может ли предприятие сделать так, чтобы у него сбросы, выбросы, образование твердых отходов не превышали ПДВ, или оно в принципе не может сделать этого ни сегодня, ни завтра, ни через три-четыре года? У него такое оборудование, какое есть, кредит ему никто не даст, и собственных средств, чтобы заменить это оборудование, у него нет. Но платить за превышение нормы оно может. Это называется временно согласованное воздействие — ВСВ. Но если вы превышаете и этот предел, потому что неправильно управляете оборудованием, то за объем воздействия, превышающий ВСВ, будете платить в 25-кратном размере. Эта система была нами четко налажена.

Каким образом вы узнаете об этих негативных воздействиях?

Обо всех воздействиях мы знаем из форм, которые сейчас заполняют все предприятия. В соответствии с указанными сведениями они платят за загрязнение.

А написать могут все что угодно?

Не совсем так. Мы прекрасно знаем, сколько окислов азота и диоксида серы сбрасывается на теплоэлектростанции при том оборудовании, которое на ней стоит. Поэтому сильно обманывать они не могут. Они отражают такие воздействия, которые соответствуют оптимальной эксплуатации оборудования. Но беда в том, что сейчас их никто не проверяет — у нашего государства нет сил, средств и кадров, чтобы проводить такие проверки. Само собой, сведения, которые они сообщают, содержат очень много вранья. В этом можно элементарно убедиться. Большинство сбросов сточных вод в водные объекты производится в ночное время. Почему?

Значит, есть что скрывать.

Совершенно верно. В 1990-е годы у нас существовала вертикаль экологической власти, которая была разрушена в 2000 году. Во всех субъектах Федерации она подчинялась не местной региональной власти, а центру — сначала Минприроды, потом Госкомэкологии. Представители экологической власти не зависели от местной власти. Были специальные организации, занимавшиеся эколого-химическим анализом проб, взятых именно для того, чтобы выяснить, врут ли те, кто заполняет формы ЗТП. Сначала эти лаборатории входили в состав региональных комитетов. Потом, когда начались фокусы с экономией средств, их просто вывели за штат, но они научились самостоятельно зарабатывать деньги. По нашим оценкам, в 1990-е годы произошло существенное уменьшение негативного воздействия на окружающую среду. На 85 процентов — за счет спада производства.

Иначе говоря, не благодаря повышению сознательности, а из-за разрушения предприятий?

Да. Уменьшение негативного воздействия произошло за счет спада производства и на 15 процентов — за счет работы природоохранной системы. А в 2000 году у нас начался экономический рост и вместе с ним резкий подъем негативного воздействия на окружающую среду. При этом в 2000 году Госкомэкология была ликвидирована, все лаборатории были переданы субъектам. А если лаборатория стала подразделением администрации, она выполняет указания этой администрации. И хорошо работавшая система начала давать сбой. Сейчас эта система все еще работает, хотя и не так, как хотелось бы.

Сейчас ваш институт стал головным научным учреждением, которое занимается изыскани-

ями по крупнейшему национальному проекту «Оздоровление Волги». Что это за проект?

Изначально там были еще Байкал и Телецкое озеро. Но Телецкое озеро очень быстро из него исключили, а потом и Байкал... По нему, кстати сказать, есть федеральная программа, которая завершается в 2020 году. И она совершенно не соответствует действительности. Ее делали в 2012 году, и тогда никто не думал, что на Байкал могут приехать полтора миллиона туристов. Нынешние неприятности Байкала обусловлены природным фактором — двумя подряд маловодными годами, а также антропогенным фактором — чудовищным взрывом неорганизованной туристической активности. Туристы применяют мощные средства, содержащие фосфор, вся эта грязь благополучно течет в Байкал. В результате в позапрошлом году байкальское мелководье стало цвести, чего никогда раньше не наблюдалось. Это зеленые водоросли спиригира, которые губительно воздействуют на рыбу, ухудшают качество воды.

Ну а что же Волга? С ней тоже дела плохи?

Если вы посмотрите государственные доклады о состоянии окружающей среды, то увидите, что начиная примерно с 2000 года у нас все время сокращается сток загрязнений в водные объекты. И очень существенно сокращается. Однако состояние водных объектов практически не улучшается. Более того, состояние самых больших, самых важных водных объектов — Волги, Оби, Дона, Кубани — даже ухудшается. Почему так происходит? Потому что данные о сокращении сброса загрязненных сточных вод в водные объекты очень неполны. Одну причину мы с вами уже отметили — это недостоверность информации, сообщаемой предприятием, и отсутствие контроля за этой информацией. Но есть и другая причина. Может быть, даже более важная. Она состоит в том, что контролируемые источники — они называются точечными — это только сбросные трубы. Предприятие собирает весь свой сток и через трубу сбрасывает в водный объект. Это относится к промышленным предприятиям, к предприятиям ЖКХ, к некоторым животноводческим фермам, которые собирают свой сток, частично его используют, но сбросные трубы у них тоже есть. То, что идет через трубу, регистрируется, контролируется и учитывается. Все остальное — нет.

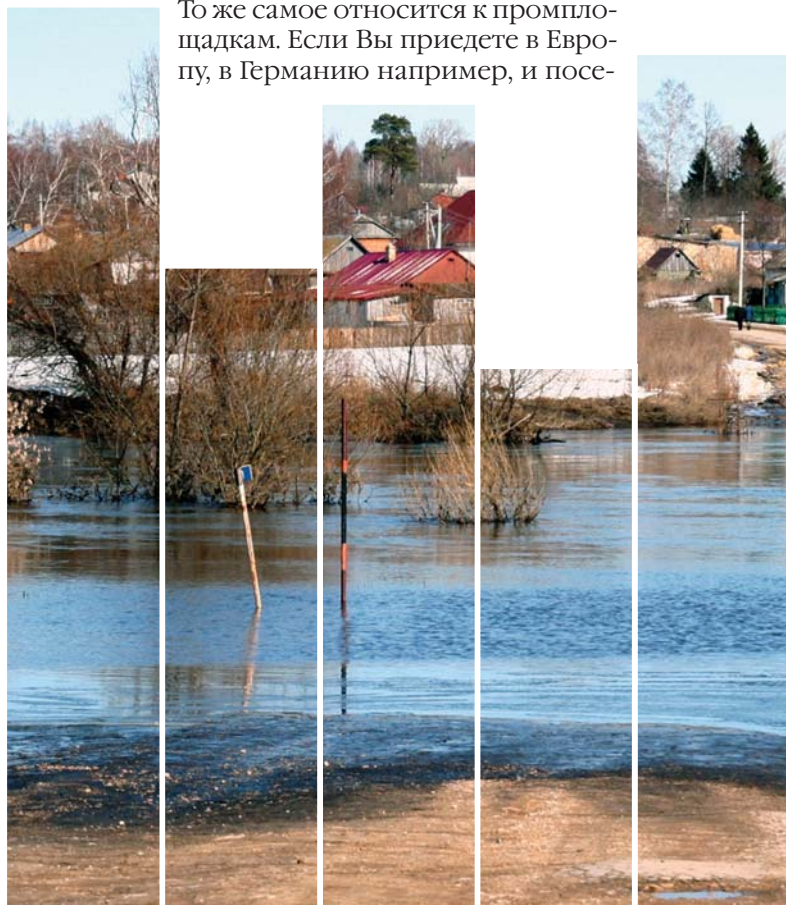
Остальное — это что?

Это, во-первых, стоки с сельскохозяйственных полей. Понятное дело, что на поля вносятся удобрения, используются гербициды, пестициды

всех видов. Когда случается половодье или идет дождь, имеет место рассредоточенный, диффузный сток в реку с поверхности земли. Все это может просачиваться под землю и, соответственно, стекать в речку или озеро с верховодкой, то есть фактически через почвенный, аэрируемый слой. Это может поступать в более глубокие подземные воды, которые тоже питают реки. Весеннее половодье — это максимальный неорганизованный, неконтролируемый диффузный сток загрязнений с поверхности земли в реки.

Но смывается еще и грязь с городских территорий. Во многих крупных городах организована ливневая канализация — то есть все или многое из того, что с осадками выпадает на территории города, собирается в водосток. Он может частично очищаться, а может не очищаться, но тем не менее через трубу поступает в речку. Даже там, где есть ливневая канализация, сохраняется диффузный сток с поверхности. Даже в Москве. Я уж не говорю о средних и малых городах, где ливневая канализация чаще всего отсутствует и, даже если она есть, охватывает далеко не всю территорию города.

То же самое относится к промплощадкам. Если Вы приедете в Европу, в Германию например, и посе-



➤ **Весеннее половодье — это максимальный неорганизованный, неконтролируемый диффузный сток загрязнений с поверхности земли в реки.**

тите какое-нибудь крупное экологически опасное предприятие, скажем фармзавод фирмы «Байер», предприятие по производству моющих средств, бытовой химии или нефтеперерабатывающий завод, то, узнав, что Вас интересуют вопросы экологии, Вам будут с гордостью показывать, какая на территории завода ливневая канализация. Доложат, что ни один кубометр воды не минует канализации. Вся вода, которая собирается в ливневку на территории предприятия, поступает в реку в очищенном виде, причем в очищенном настолько, что она чище, чем та вода, которая принимает этот сброс. А у нас, как правило, предприятия не оборудованы ливневой канализацией. Их стоки попадают в реки, озера, водохранилища — куда угодно.

Это еще не все. Существуют свалки, в том числе и неорганизованные. В России мусоропереработкой до сих



пор не занимаются, пока перерабатывается доля процента образующегося мусора. Доля процента! А нормальная цифра для развитых стран — это 80 процентов переработки.

Считается, что все наши официальные свалки оборудованы таким образом, чтобы минимально воздействовать на окружающую среду. Другими словами, там должна быть изоляция. В теории она есть. На практике она или плохо сделана, или приказала долго жить. Ну а если говорить о неорганизованных свалках, то там вообще изоляции нет.

А как устроены неорганизованные свалки? Чаще всего это овраг, в который сбрасывается черт знает что. И все это, прежде всего, попадает в реку. А еще есть всевозможные золоотвалы, шлакоотвалы, угольные терриконы и так далее. Но особенно опасны, конечно, хвосты обогащения. Это отходы цветной металлургии, и там вся таблица Менделеева в самых неблагоприятных сочетаниях.

Возникает вопрос: сколько грязи приходится на неорганизованные сбросы, на диффузный или неточечный сброс?

Считается, что в развитых странах фифти-фифти. У нас, я думаю, диффузный сток несет больше грязи, чем организованный.

Почему?

У нас сейчас расходуется меньше средств химизации сельского хозяйства, зато по всем остальным пунктам показатели гораздо хуже, чем в развитых странах. Там нет неорганизованных свалок, нормальные полигоны для мусора и высокий процент его переработки, ливневкой оборудована каждая деревня, не говоря уже о городах. А еще у нас имеется накопленный экологический ущерб. Скажем, в Нижнем Новгороде есть Бурнаковская низина — это бывшее крупнейшее хранилище нефтепродуктов. У нас подо всеми без исключения нефтехранилищами, подо всеми авиационными базами линзы нефтепродуктов, которые образовались за десятилетия эксплуатации из-за протечек. Линза какое-то время накапливается, а потом она может начать мигрировать. Потом в силу определенных причин по подземному водотоку эти нефтепродукты могут попасть в реку. Очень похоже, что сейчас в Волге в районе Нижнего Новгорода наблюдается скачок концентрации нефтепродуктов — линза Сормовской нефтебазы нашла путь в реку.

В развитых странах ничего подобного не бывает. Они на своих нефтебазах не проливали

нефтепродукты в таких объемах, чтобы образовывались линзы. А у нас, как Вы понимаете, нефтепродукты были государственные — усушка, утруска. «Законы социалистического хозяйства». В капиталистическом хозяйстве таких явлений не наблюдается.

И что же со всем этим делать?

Наша система охраны вод всегда занималась только точечными источниками, а на неточечные диффузные загрязнения внимания никто не обращал. Именно из-за этого получается такое невероятное расхождение. Качество воды не улучшается за редкими исключениями, а отчетные данные о сокращении количества сбрасываемой грязи производят хорошее впечатление. Почему? Во-первых, там хватает вранья, во-вторых, основное загрязнение, вполне возможно, поступает вовсе не через трубы. Но не спрашивайте меня про приоритетный национальный проект «Оздоровление Волги» в целом. Его основную часть составляют инвестиционные мероприятия, к формированию списка которых Институт водных проблем не имеет никакого отношения. Мы занимаемся только научной частью этого проекта. А научную часть в соответствии с тем, что я Вам рассказал, решено было сосредоточить именно на неточечных источниках и диффузном стоке. Ее выполняет 21 организация. Посчитайте сами: из 230 миллиардов на науку приходится 200 миллионов, менее 0,1 процента. А Вы спрашиваете — что делать?

Значит, вы даже не знаете, какие планируются мероприятия по оздоровлению Волги? Вас об этом не информируют?

Нет, не информируют. Мы, конечно, стараемся двигать науку вперед. Но, к счастью, в отличие от многих наблюдаемых нами организаций как научных, так и не научных, мы хорошо помним, что делали наши предшественники. И абсолютно ничего полезного из того, что они сделали, мы не потеряем.

К примеру, мы занимаемся мониторингом неточечных источников. Это очень сложная проблема. Ведь чтобы понять, что стекает в реку, нужно знать данные о рельефе, о подстилающей поверхности, о сельскохозяйственных технологиях — обо всем на свете. Например, от типа вспашки зависит сток. Даже с этими вещами надо возиться, хотя это и не гидрология, а сельское хозяйство, агрономия. Но абсолютно все приходится принимать во внимание, что только можно в принципе наблюдать.

Можно ли сказать, в каких частях течения Волги наиболее тревожная ситуация?

Из субъектов Федерации, которые оказывают наибольшее негативное воздействие на качество воды в Волге, я назову Москву, Московскую область, Башкортостан, Нижегородскую область, Пермский край.

Вам приходится взаимодействовать с субъектами Федерации. Они наверняка по-разному относятся к этой работе.

Конечно. Нижний Новгород, например, очень хочет сотрудничать по Бурнаковской низине. Их это беспокоит, они готовы что-то делать.

➤ Я считаю, что какие-то проблески внимания к экологической проблематике у власти есть. Но пока это только проблески.

Ярославскую область Вы хвалите?

Там по-разному. Только что удалось прекратить реализацию совершенно дурного проекта по экологической реабилитации озера Неро, которое, как известно, зарастает сапропелем. По этому проекту предполагалось делать на берегу у самой воды ячейки и перетаскивать туда этот самый сапропель, загрязненный стоками города Ростов Великий. Это совершенно бессмысленное занятие, которое должно было стоить миллиард сто миллионов рублей, ничего не дало бы для реабилитации озера Неро. Ничего. И на экспертном совете Росводресурсов, по-моему, с третьей попытки завалили этот проект. Сейчас он, к счастью, остановлен. Внимание сосредоточено именно на городе Ростове Великом, где надо привести в порядок городскую канализацию, городскую ливневку и так далее. Город — памятник древнерусской архитектуры — входит в Золотое кольцо. Он привлекает туристов, и было бы хорошо, если бы рядом было чистенькое озеро!

А вот город Рыбинск, например, я считаю, очень хорош. В Золотое кольцо он, правда, не входит, но он настолько симпатичный сам по себе, что без выдающихся архитектурных памятников может за счет своего старокупеческого уюта поспорить с любым другим. Город пытается решать экологические проблемы. Они состоят, прежде всего, в том, что размывается берег. А на берегу стоят девятиэтажные дома, которые могут просто сползти. Кто хочет посмотреть, что дает берегоукрепление, поезжайте в Рыбинск. Контраст

между укрепленными и неукрепленными участками огромный.

А в Татарстане, например, сосредоточились на лесопосадках, которые имеют очень большое значение для сокращения диффузного стока.

Виктор Иванович, Вы сегодня возлагаете надежды на институт, на его перспективы? И с чем они связаны?

Должен сказать, что в нулевые годы мы ужасно мучились с пополнением. У нас катастрофически не хватало молодых кадров, были массовые неудачи с аспирантами. Мальчишки приходили в аспирантуру «косить» от армии и по прошествии аспирантских лет, еле-еле подготовив необходимые для сдачи экзамена рефератики, исчезали вместе с неосуществленным замыслом диссертации.

С тех пор ситуация изменилась. Сейчас в институте немало совсем молодых научных сотрудников, которых мы бережем как зеницу ока. Пытаемся по возможности привлекать их к проектам, на которых и заработать что-то можно. Словом, у нас появилась молодая поросль, и я связываю будущее института именно с ней. Старики уходят, куда деваться, это закон природы. Но все-таки теперь есть надежда, что хотя бы частично научные работники будут заменены новыми.

И потом, всякого директора беспокоит проблема преемника. Я знаю немало директоров, которые не смогли удовлетворительно решить эту проблему.

И я знаю.

А что касается меня, то я и пять лет назад твердо знал, кого хочу видеть директором после себя.

Его и увидели?

Его и увидел. Он сидит в соседнем кабинете — Александр Наумович Гельфан, доктор физико-математических наук, очень крупный специалист по гидрологии и прекрасный организатор науки. У него лучшая лаборатория в институте. Он выпускник кафедры гидрологии суши географического факультета. Это лучшее учебное заведение в Российской Федерации, выпускающее специалистов нашего профиля. Я окончил мехмат МГУ, но с мехмата сюда никого не затанешь. Потом я много лет занимался экономической. Я и кандидат, и доктор экономических наук. Экономисты к нам не пойдут.

А почему Вы пошли?

А потому что я эколог по мировоззрению, вот почему. Вот недавно похоронили Александра Сергеевича Исаева, самого большого и знаменитого российского эколога-лесоведа. Мы всегда стояли на общих позициях. Это был совершенно замечательный ученый и человек.

Алексей Владимирович Яблоков тоже умер. Выходит, экологи вымирают?

Но они и появляются. Вы посмотрите на экологические общественные организации. Да, они страшно разобщены, совершенно не поддерживаются государством. А в развитых странах такие организации пользуются государственной поддержкой. Но среди тех, кто активно работает в этих экологических организациях, хватает и совсем молодых людей, и студентов, и людей постарше.

А как Вы думаете, их когда-нибудь услышит государство? Есть надежда на это?

Я считаю, что их уже услышали. Другое дело, что в силу самых разных причин государство еще не готово принимать серьезные меры для оздоровления окружающей среды. Был проведен год экологии, от которого было мало толку, но его все же провели. Обратили внимание населения на экологические проблемы. В рамках года экологии было предложено создание огромного количества мусоросжигательных заводов — не экологическая, а антиэкологическая мера, и это многим стало понятно. Сейчас в Москве начинается кампания за селекцию мусора. Это нельзя сделать с сегодня на завтра. Тем не менее, многие люди уже заражены этой идеей. Они считают, что это необходимость, и совершенно правильно считают. Надо много работать, чтобы такая необходимость стала реальностью. Я считаю, что какие-то проблески внимания к экологической проблематике у власти есть. Но пока это только проблески.

ПЭС 19018 / 19.02.2019

